

мышления), и интеллект в действии, «все порождающий»²³ (так выражается активная сторона мыслительного процесса). Его действие сравнивается с действием света, вызывающего к действительности цвета, существующие потенциально. Такое разделение сторон разумной души выражено в общей форме и отличается неясностью, хотя совершенно очевидно, и это следует из всего контекста книги, что онтологически разумная способность как исключительное качество человеческого вида представляется совершенно нераздельной и различие интеллектов нужно Аристотелю для описания процесса мышления.

Противоречивый характер этого процесса приводит философа к утверждению, что «знание в потенциальной форме в отдельном индивидууме по времени первоначальнее, в абсолютном же смысле — и по времени не [является первоначальным]»²⁴. Значит, по Аристотелю, процесс мышления отдельного человека сначала представляет собой способность к познанию, которую потом реализует. Совокупность же знаний всех индивидов, познание как общечеловеческий процесс выступает в актуализованном виде. Такое толкование аристотелевского текста учитывает нераздельность рассмотрения онтологико-гносеологического единства мышления у Аристотеля и представляется тем правомернее, что подтверждается замечанием о невозможности представить себе положение, при котором бы разум то мыслил, то не мыслил²⁵. Разум, как постоянная актуальность, есть общее качество человеческого вида и именно как совокупность человеческих знаний является реализованным постоянно, и ему приписывается бессмертие и вечность²⁶.

Таким образом, можно сказать, что труд античного мыслителя есть попытка естественнонаучного осмысления чувственно-психической деятельности в ее неразрывности с телесными функциями. Диалектически противоречивый характер мышления, сложность рассмотрения его становления, его объективной значимости — в кругу этих вопросов бьется мысль Аристотеля. И то, что философ в органическом единстве первенствующее значение отдает форме («действующее начало всегда благороднее страдательного, и изначальная сила выше материй»), позволяет говорить об аристотелевском реализме и дает возможность последующим комментаторам трактовать учение Аристотеля о душе в плане противоположения духовного — телесному, на любом уровне их сопоставления. Кроме того, лаконичность изложения, сочетание философского обобщения с образностью и конкретностью, проблематичный характер решений и непоследовательность, — все это затрудняло понимание текста и осложняло его толкование, чем объясняется в некоторой степени противоречивость комментаторской традиции.

В начале своего полемического сочинения Фома Аквинский утверждает, что именно возрастающее влияние учения Аверроэса о едином

²³ Там же, кн. 3, гл. 5, 430а, 10 и далее.

²⁴ Там же, кн. 3, гл. 5, 430а, 20 и далее.

²⁵ Там же. В такой нераздельности мыслительной способности и процесса познания — сила и слабость мысли философа.

²⁶ Там же, кн. 3, гл. 5, 430а, 25.